

Никита МИХАЛКОВ:

«У меня своя дорога...»

Говорят, поэты похожи на свои стихи. Никита Михалков похож на свои фильмы. Часто беседуя с ним в последнее время, слушая его на пресс-конференциях, я смог вполне убедиться: он всегда говорит то, что думает, а думает так, как и снимает, - предельно честно, взволнованно, искренне. Не потому ли между убеждениями Михалкова и его фильмов даже самый придирчивый взгляд не сможет обнаружить ни малейшего зазора? Впрочем, у вас есть возможность убедиться в этом самим...

Командора Почетного легиона Никиту Михалкова поздравляем с высшей наградой Франции. Редакция «России»

О том, что люблю

Я не могу и не хочу существовать в разрушительном режиме. Мой жизненный принцип - созидание, делание. Вот почему одно из любимых моих слов - «нет», а любимое - «да».

Сегодня у нас очень многие объединяются по принципу любви к кому-то и чему-то. На эту тему вспоминается одна почти анекдотическая ситуация. Говорят, Фаина Раневская, увидев как-то в театре идущих по коридору актрис, беззастенчиво выкрикнула: «Против кого дружите, девушки?» Я не хочу «дружить против кого-то» и потому объединяюсь с людьми только на основах того, что мы вместе любим, какие ценности сообща исповедуем.

Я живу у себя на родине, у меня есть своя дорога, семья, друзья, дом, любимое дело - это и есть мой «позитив». А если кто-то хочет выставить меня на Васильевский спуск, втянуть в политическую ссору, в оглоульную митинговщину, то это затея изначально бесперспективная. Ибо восклицания «Долой!» ни на шаг

О наших корнях

Я хочу быть частью здорового, сильного государства, которое имеет свою историю, глубокие корни в прошлом. Нашу страну тысячью лет скреплял определенный нравственный, религиозный ствол. И все наши великие люди - Александр Невский, Дмитрий Донской, Ломоносов, Пушкин, Суворов, Кутузов, Достоевский - жили в этой российской системе координат, где поклонились больше Богу, чем закону (это, к примеру, во Французском кодексе), где многое значило понятие греха и стыда, где честное слово купца было важнее грамотной вымышленной бумаги. Я не верю, что события семнадцатого века, да и всех последующих лет, включая нынешние, должны заставить нас забыть то, что любими и бережны наши предки.

Я надеюсь, что сам являюсь частью большого целого, именного тысячелетней Русью. Не об этом ли ощущении единого древа говорил устам Обломова писатель Иван Гончаров (цитирую не дословно): вот я сейчас почувствовал себя, словно лист на ветке, сейчас ветер подует - и ты

политику или же единый взгляд на историю, я был бы тем не менее в Белом доме по долгу дружбы, товарищества.

Дорога, которую мы выбираем

У нашей страны есть свой исторический путь, найти, выйти на который, однако, не так просто, как порою кажется иным радикально мыслящим политикам. Навечно и безответственно думать, будто эта дорога - всего лишь безальтернативный перекресток: направо пойдешь - там мрачное болото сталинизма, налево - там райские кущи демократии. На самом деле наша дорога - это сплетение различных путей, тропинок, троп, стезей-дорожек, которые в итоге слагаются в некий большак, то есть главный, магистральный путь. Так, к примеру, Волга - главная дорога, главная улица России - вся состоит из притоков, ручейков, малых и больших рек, которые питают ее величавое течение.

Как-то писатель Владимир Максимов сказал очень точную фразу: «Россия - та же Америка, только византийская». Я долго не мог понять, что он имел в виду. А потом понял: Россия на своем веку много всего видела, много культур усвоила, многие течения переварила и в итоге выбрала свой особый исторический путь, который аккумулирует, вбирает в себя и то живое, естественное, что основано на исторических традициях и культурных корнях наших предков, и то полезное, ценное, что она приняла, усвоила от других народов.

Но мы «ленивы и небогопытны», как говаривал Александр Сергеевич Пушкин. И потому не пытаемся выйти на свою дорогу, а заимствуем

уже началось) с русской провинции, а не с насковской политизированных, раздираемых противоречиями, «утомленных» мегаполисов. Откройте любую московскую или питерскую газету, посмотрите любую снятую в столице передачу - они ежедневно, ежевечерне нас пугают, пугают, пугают, вынимают из людей последнюю волю к жизни. Но поезжайте, скажем, в город Мышкин - там совсем другая жизненная атмосфера. Там люди работают, дело делают, а не митингуют и тем более не палат друг по другу из пушек.

Вот почему в последнее время все мои помыслы - и как режиссера, и как руководителя Российского фонда культуры - тесно связаны с глубинкой, где еще сохранились здравый смысл, ясная чистота нравственных представлений о мире, где люди ощущают себя частью родной земли, где живут бескорыстные земские подвижники, готовые держать культуру на своих плечах. Около 60 отделений Фонда культуры в регионах я сравнил бы с кровеносной системой, через которую в измученный организм страны поступает так необходимый ей «кислород» истинной культуры и высокой духовности. Такие наши программы, как «Новые имена», «Классическое наследие», «Российские земли», «Культура и молодежь», «Религия и культура», вовлекают в свою орбиту все больше мыслящих людей, прививают народу иммунитет к соблазнам столь агрессивной навязчивой, легкодоступной псевдокультуры, а значит, духовное возрождение нашего Отечества рано или поздно наступит.

русского народа всегда была велика. Ленин и Сталин знали это, и потому они столь легко сумели обмануть такое огромное количество народа.

Не обмануться бы нам еще раз...

О закате культуры

Говорят, наступил закат культуры. На самом деле идет ее уничтожение. Закат - вещь естественная, уничтожение - насильственная. Закат - явление божественное, уничтожение - дьявольское. С закатом бороться глупо. С уничтожением культуры бороться необходимо.

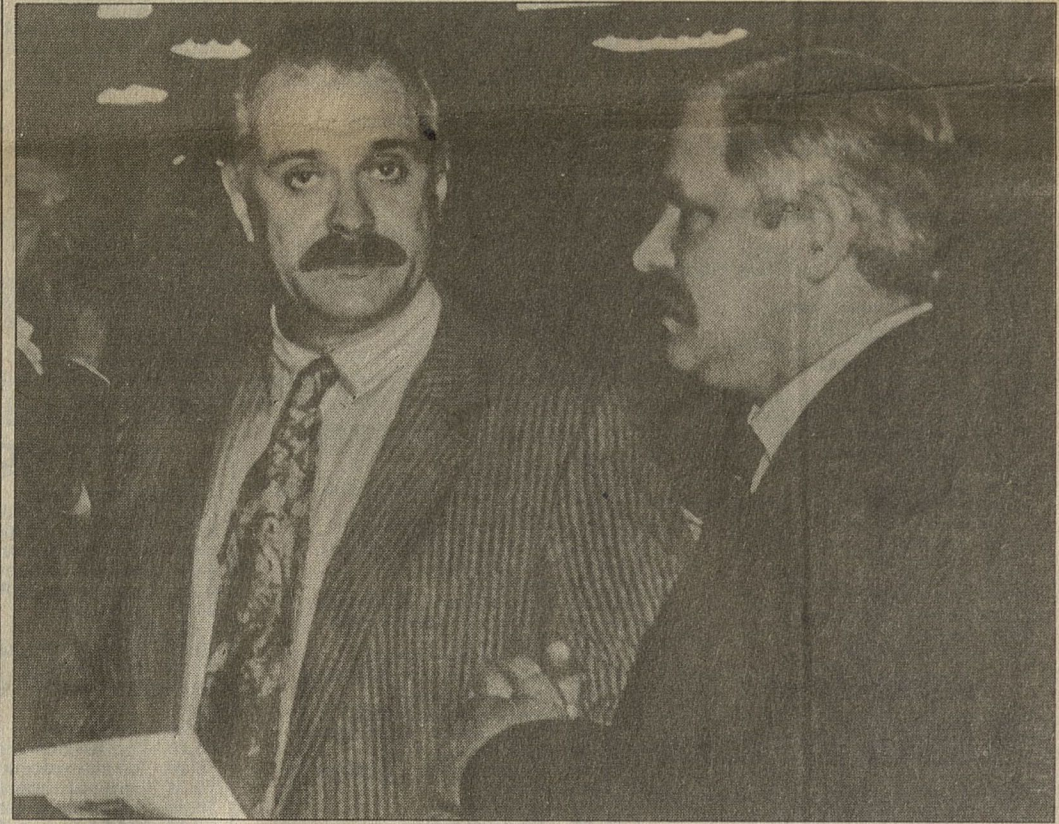
Мы потеряли уважение к жизни и смерти человека. Вы посмотрите, сколько людей убивают ежедневно на просторах нашей державы. Я уж не говорю про телевизионные и киноэкраны, с которых кровь буквально сочится. И при этом, замечете, уже давно никому никого не жалко. Между тем Федор Михайлович Достоевский целых 500 страниц посвятил тому, как молодой человек, думая, что ему все позволено, убил одну жалкую старушку. Убил - и потом корчился в страшных нравственных муках.

А сегодня... Безжалостные художники, безжалостные герои, безжалостные зрители. И все это подается как некая «правда жизни». Не зря один мудрец сказал: «Жесткая правда без любви есть ложь». Уверен: русское искусство без сострадания, нежности существовать не может. Без этого оно мертво. Но такое жестокое, бессердечное искусство сегодня процветает благодаря попустительству, равнодушию тех, кто стоит у кормила власти. Может, потому, что они сами не испытывают любви ни к своей стране, ни к своему народу?

другим фильмам я отдал свои силы, нервы, бессонные ночи. Но странное дело: сразу после окончания ленты я еще могу подробно вспомнить, как и почему снял тот или другой эпизод, но проходит время - и фильмы

никого. Этот монстр «пожирал себя и своих детей», постоянно воспроизводя, омолаживаясь за счет тех, кто еще недавно стоял на вершине власти. Об этом я и хотел напомнить в своей картине, но - через художественные

зийский сегодняшнего дня пере- черкивать судьбу предшествующих поколений - это тот же большевизм, только другого цвета. Ибо основа всякого большевизма - это беспамятство, желание

Никита Михалков и Александр Рудков. Они были и остались друзьями после всех драматических перипетий последнего времени.

начинают восприниматься, словно они были созданы в другой жизни.

Я пересмотрел недавно одну свою прежнюю картину и странно удивился, что ее, оказывается, сделал я. Наверное, это можно сравнить с ощущением американского астронавта Армстронга, который в свое время первым ступил на Луну. Потом прошли годы, он выпивал однажды с друзьями у себя дома, вышел проветриться на крыльцо, уви-

образы, через судьбы людей, а не через политическую риторику, мне неинтересную.

Более того, я хотел, чтобы в фильме о кошмарах сталинизма звучала, как это ни покажется кому-то странным, чеховская интонация. Приоткрою наш с Рустамом Ибрагимбековым замысел: персонажи «Утомленных солнцем» - это как бы герои «Неоконченной пьесы для механического пианино», случайно дожившие до 1936 года. Только в

иметь все «сейчас и сразу». Воинствующий атеизм, безбожие, неверие в бессмертие души, возведенные ленинско-сталинской идеологией в ранг государственной политики, позволяли с легкостью необыкновенной вершить чужие судьбы, сбрасывать «с корабля современности» Бунина, Рахманинова, Шаляпина... Но разве нравственные сегодня ставить под сомнение жизнь уже целых поколений только на том основании, что людям довелось родиться не в лучшие для них времена? Ведь и в самый разгар репрессий так же вставало солнце, и текла река, и звенел мяч на пляже, и тот, кто обнимал девушку, вовсе не обязательно думал о том, как познание дорогой Иосиф Виссарионович... И в этом - трагедия, боль и горькая нежность того времени, которые я попытался передать в фильме.

У картины в процессе работы было несколько названий - «Безусловный эффект шаровой молнии», «Утомленное солнце 1936 года». Потом счастливая отговорка подсказала: только «Утомленные солнцем». Это не просто название, это образный знак картины, через которую лейтмотивом проходит замечательное, всем известное танго: «Утомленное солнце нежно с морем прощалось...». Слетка модифицировав строки, вынесенные в заголовок, мы даем зрителям простор для раздумий, то (или кто) есть это «солнце», от которого так смертельно утомилась страна...

Мне бы хотелось надеяться, что фильм стоит своего названия...

Публикацию подготовил Леонид ПАВЛЮЧИК

Очень редко братьям (справа Андрей Кончаловский) удается вместе навестить отца.

не приближают наше Отечество к счастью и процветанию. Я даже Президенту во время нашей встречи сказал: «Не любить большевиков - еще не значит любить Россию».

Истинная же, оскверненная суть России - в ее Вере, ее Надежде, ее Любви. И только те политики обретут силы и мудрость, которые поймут, почувствуют это душой, чья деятельность, как ни банально это звучит, будет основана любовью к людям, к России, которая лично для меня - не пятно на карте, а земля, именуемая Родиной.

Я и кино снимаю только про то, что люблю. Вот почему у меня есть, например, картины про Обломова, про чеховского Платонова, про русского шофера, заброшенного судьбой в монгольские степи, есть документальная картина про мою дочь Анну, а про Троцкого или Ленина фильмов у меня нет и не будет.

вместе с ветками качаясь, отрывает лист от ветки и унесет - куда полетишь, кем станешь? Не листом ли на ветке чувствовал себя и один из предков Карамзина, который писал в XVII веке: когда человек пересаживает границу государства Российского, по нему надо бить из пушек, как по усложному, а когда возвращается - в колокола, как по воскресному. Звучит наивно, трогательно и в то же время очень точно по сути.

Конечно, это вовсе не значит, что нам надо отделиться от всего мира, тем более противостоять ему. Но родное - оно и есть родное. И мне, например, гораздо интереснее и счастливее жить в нашем нынешнем российском бардаке и раздоре, чем в любой другой, даже самой благополучной стране.

О Рудков

Меня порой спрашивают с подковыркой, что нас с Рудком объединяет: общие взгляды на

нас - жаркий летний день, моя шестилетняя дочь Надя снималась босиком при температуре минус четыре. И я должен был снимать, снимать, снимать, потому что не имел права погубить картину - счет шел не на дни, а на часы. Я даже на похороны Юлиана Семенова - мужа моей сестры - не смог приехать, за что мне, возможно, не будет прощения. Но такова моя жестокая и беспощадная профессия.

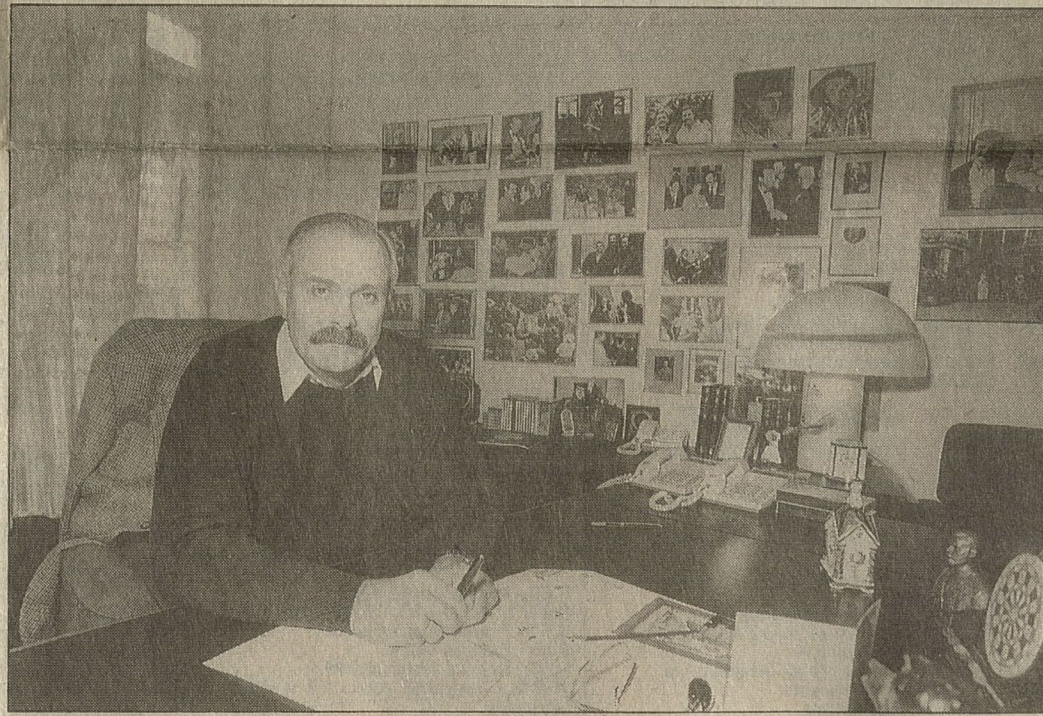
В то же время благодаря именно ей, а также, возможно, провинции, я оказался в те роковые дни далеко от Москвы, где тем не менее находилось мое сердце. Ни с кем себя и других не сравнивая, могу в этой связи только вспомнить очень точные слова Пушкина, который примерно так ответил императору на вопрос о его отношении к мятежу декабристов: осуждая душой их помыслы, я был бы среди них, потому что там слишком много было моих товарищей. Да, могу повторить вслед за поэ-

ем нечто чужеродное, не вполне имел всего два френча, пару носков да мятые сапоги, - они не врут. Но Сталин и не нуждался в «излишествах». Семейное серебро и роскошь покоев ему заменяла власть, полнота обладания которой была у него более абсолютной, чем даже у императора. Ведь именно по сколку государству он создавал, лепил свой образ, прекрасно понимая, что святое место пусто не бывает...

А что такое, скажем, «построение социализма в отдельно взятой стране»? Это что - реальная экономическая программа? Нет, это заполнение незанятой ниши, своего рода отправление религиозного культа, потребность в котором у

О провинции

Я уверен, что возрождение нашей Отчизны начнется (и оно

Минутная передышка в студии «Тритэ», которой руководит Никита Михалков.

уже началось) с русской провинции, а не с насковской политизированных, раздираемых противоречиями, «утомленных» мегаполисов. Откройте любую московскую или питерскую газету, посмотрите любую снятую в столице передачу - они ежедневно, ежевечерне нас пугают, пугают, пугают, вынимают из людей последнюю волю к жизни. Но поезжайте, скажем, в город Мышкин - там совсем другая жизненная атмосфера. Там люди работают, дело делают, а не митингуют и тем более не палат друг по другу из пушек.

Вот почему в последнее время все мои помыслы - и как режиссера, и как руководителя Российского фонда культуры - тесно связаны с глубинкой, где еще сохранились здравый смысл, ясная чистота нравственных представлений о мире, где люди ощущают себя частью родной земли, где живут бескорыстные земские подвижники, готовые держать культуру на своих плечах. Около 60 отделений Фонда культуры в регионах я сравнил бы с кровеносной системой, через которую в измученный организм страны поступает так необходимый ей «кислород» истинной культуры и высокой духовности. Такие наши программы, как «Новые имена», «Классическое наследие», «Российские земли», «Культура и молодежь», «Религия и культура», вовлекают в свою орбиту все больше мыслящих людей, прививают народу иммунитет к соблазнам столь агрессивной навязчивой, легкодоступной псевдокультуры, а значит, духовное возрождение нашего Отечества рано или поздно наступит.

О своем творчестве

Я люблю свои картины. Но не потому, что считаю их хорошими, а потому, что в каждую из них вложена часть моей жизни, часть жизни моих друзей. И «Раб любви», и «Механическое пианино», и «Пять вечеров», и все

дел Луну и... упал в обморок: настолько невозможной, фантастической показалась ему мысль, что это он, сегоднешний, был там, на другой планете. Я - не Армстронг, мои картины - не планеты, но сделанные мною фильмы существуют сегодня, словно самостоятельные отлепшие тела, орбиты которых уже от меня не зависят...

Наверное, мои ленты неравнодушны по качеству. Они могут кому-то нравиться, кому-то могут не нравиться. Но одно я могу сказать определенно: я никогда не снимал картин, чтобы кому-то угодить, чтобы заработать славу или деньги. Я делал только то, что считал нужным, важным для себя. Каждая новая работа должна вырваться, родиться во мне - по заказу я снимать не могу, не умею, не хочу. Картина рождается, как аккорд - нота за нотой. Не зря кто-то из великих сказал, что любое искусство пытается быть похожим на музыку. Главное - услышать свою музыку.

О фильме «Утомленные солнцем»

По жанру моя новая работа - мелодрама, по смыслу и сути - картина политическая. Хотя любовного, зеркального отражения сегодняшних политических страстей в «Утомленных солнцем», разумеется, нет. Ибо я никогда не снимал и, уверен, не буду снимать картины, напрямую отражающие, записывающие ту или иную тенденцию. Как художник, я не имею права стать на чью-либо сторону. Более того, снимая картину о трагедии большевизма, об ужасах 1936 года, я старался понять всех героев этой исторической драмы, которые являются преступниками и жертвами одновременно. Жертвами, подчеркну, своего же собственного злосудия. Потому что большевизм как явление не шадил

Никита Михалков с женой Таней и детьми.